

МНЕ ЧАСТО СНЯТСЯ ВСЕ РЕБЯТА

Софья Кучерова,

младший сержант 11 класса «К» ГБОУ Школа № 1861 «Загорье»

Война... Это слово будоражит сердца всех поколений. Она жестока и не щадит никого. Это самое страшное, что может случиться в жизни каждого человека. Миллионы солдат погибли и проливали свою кровь ради нас, ради чистого неба над нашими головами. Память о них, об их подвигах навсегда останется в наших сердцах!

Мне хотелось не остаться равнодушной к героической истории моей Родины. Что я смогла? Поступить в кадетский класс после нескольких лет военной подготовки в военно-патриотическом клубе «Гренадер». Там я впервые взяла в руки автомат, научилась стрелять из пистолета, оказывать первую медицинскую помощь, освоила боевые техники и твердо решила, что я хочу узнать о военной сфере еще больше и поступить в кадетский класс, стать командиром отделения, заместителем командира класса. Кто направлял меня в этом? Я полагаю, память о моём дедушке по отцовской линии, уроженце города Харькова Николае Васильевиче Кучерове. В семилетнем возрасте вместе с родителями он переехал на нашу родину, в Белгородскую область. Он участвовал в крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны, которое состоялось 5 июля 1943 г. Гитлеровские войска разработали план стратегической операции «Цитадель». Он включал в себя нанесение сходящихся ударов с севера — от Орла, с юга — от Белгорода. В результате успешных действий советской разведки об этом плане советскому командованию стало известно еще в

апреле 1943, тогда же было принято решение провести оборонительное сражение с целью измотать противника и затем перейти в контрнаступление. По рассказам моего дедушки, он, вместе с остальными бойцами прибыл на поле в самый разгар военных действий. Битва на Курской дуге длилась 49 дней, для моего дедушки и его товарищей несколько меньше. Многие бойцы полегли на поле битвы, мой дедушка простоял до конца. Эта победа сорвала последнее крупное наступление фашистов и внесла коренной перелом в ход Великой Отечественной войны. До Берлина он не дошел, но был награжден медалями. Читая книги, просматривая фильмы, слушая рассказы ветеранов, я испытываю боль. Их победа не должна быть забыта. Я помню, и я горжусь каждым, кто вернулся и не вернулся во время великой вселенской битвы народов, кто стал примером для всех поколений прошлого, настоящего и будущего.

Чтобы лучше понять духовные масштабы величайшей катастрофы всех времён, я решила прочитать повесть Константина Воробьёва «Убиты под Москвой».

Константин Воробьёв выбрал эпиграфом к одному из лучших своих произведений строки из легендарного стихотворения поэта-фронтовика Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

*Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — всё это, живые,
Нам — отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна.*

Главные герои, кремлёвские курсанты, которых было 240 человек, все они были подобраны примерно одного роста — 183 сантиметра. В начале повести они представляются былинными богатырями. Для них Родина, долг, честь, враг, смерть не пустые слова, они жизнью и смертью своей готовы доказать верность идеалам, переданным предыдущими поколениями. Автор говорит о них словами капитана Рюмина: «Судьба каждого курсанта вдруг предстала средоточием всего, чем может закончиться война для Родины — смертью или победой»

Когда я читала повесть, задумывалась не только о том, как страшна и какова цена нашей победы в Великой Отечественной войне. Мне кажется, что люди, которые были изображены в повести, хранили в себе веру, которая соразмерна вере христианской, они служили истине!

Повсеместный ужас первых месяцев войны, когда германская армейская машина наступала с такой мощью, показан в произведении через восприятие главного героя повести Алексея Ястребова. Проблемы нравственного характера, чувства чести, долга и героизма решает для себя главный герой накануне выступления на боевые рубежи. Знавший войну не понаслышке, Константин Воробьев показывает читателям путь героя к победе над собой, над страхом смерти, путь приобретения мужества.

На мой взгляд, Ястребов похож с нами сегодняшними. Он, как и его товарищи, имеет книжные представления о войне. Фронт был для них нереальной картиной, которая выглядит книжной и романтичной. Внутри себя каждый из них был готов к любым испытаниям войны. Они ждали схватки с врагом, они были готовы встретить врага и дать ему достойный отпор. Ястребов мечтает стать таким, как капитан Рюмин, но война уничтожит его представление. Она накажет их за высокомерие. Показательной будет встреча с солдатами, спрятавшиеся в скирдах сена, которые имели растерянный и неряшливый вид.

Командир четвертого взвода Ястребов растерян. Его представления о войне столкнулись с реальностью. В первый день, когда курсанты роют окопы по всем правилам военной науки, они ещё не представляют,

*Мне не лежалось на лежанке —
Мешал все треск горящих дров,
И тьме, как старой прихожанке,
Я рассказать был сны готов.*

*Но я молчал, хоть был не робок,
Вбирая телом жар печной,
И мне казалось, что подтопок
Тепло беседует с избой.*

*И пахло лесом, дымом, полем,
Рожденьем, жизнью, нищетой,
Коротким счастьем, долгим горем,
Второй и первой мировой.*

*На языке горчила жжёнка,
Катился пот слегка по лбу,
И видел я в себе ребенка,
Чьи сны возносятся в трубу.*

Александр Орлов

что их ждёт. Заходящие с запада юнкеры — первое испытание для них: «...похолодело в груди, и сердце резкими толчками начало подниматься к горлу...Упали они одновременно, плашмя, под одной осиной, и мозг каждого одновременно отсчитал положенное число секунд на приближение шестаящих смертей.» Страх и бессилие совсем не героические черты. Этот внутренний конфликт между чувством долга, готовностью быть героями и очевидной человеческой слабостью усиливается. К. Воробьёв психологически тонко отражает состояние души главного героя в момент опасности. Во время первой боевой вражеской атаки, когда мины падали в нескольких шагах от окопа, Алексей хотел преодолеть чувство страха за свою жизнь: «Сейчас в меня...В меня! В меня!» — и не мог. Хотелось убежать самому и увести взвод, которым он командовал. Взвод ушёл сам по ходам сообщения, вырытым накануне. Да, перед нами не герой в высоком смысле этого слова, но осудить его нельзя: «...когда разрывы взметнулись на улице и сердце подпрыгнуло к горлу и затрепыхалось там, он снова не своим голосом ...скомандовал взводу подоночный побег из смерти...» Слишком контрастны представления курсантов о войне и «страшная явь войны». Что их винтовки против самолётов и танков?

И, конечно же, первые смерти товарищей — сильнейшее потрясение. Даже непоколебимый капитан Рюмин при виде тикающих часов на оторванной руке убитого курсанта Мирошника «издал птичий писк горлом... кроме отталкивающего ужаса смерти и тайного отчуждения к убитым, никто из курсантов не испытывал других чувств». Как осознать и принять вызов, брошенный им, кремлёвским курсантам, войной, не проявившим ещё ничего значимого, не реализовавшим свои знания, способности? Может, потому так силён страх за свою жизнь, что не хочется нелепо умирать? Капитан Рюмин в силу опыта понял почти сразу страшную реальность: фронт прорван, рота окружена, атаки врага с тыла не выдержат. Опытный офицер понял, что впереди кремлёвцев ожидает паника, которая сметёт взводы в неуправляемую кучу и немецкие танки её превратят в мясо. Такой бесславной и страшной смерти роты курсантов Кремля он не может принять, поэтому и принимает решение бросить курсантов в ночной бой,

чтобы они поверили в свою силу, прежде чем узнают об окружении.

Пожар, разрывы гранат, размеренные повторяющиеся выстрелы курсантских самозарядок, взрывы лимонок и противотанковых гранат, слившиеся с трелями чужих автоматов, крики рукопашного ночного боя. Всё это внутреннее напряжение передано через описание состояния Алексея Ястребова: «Он тоже бежал, стрелял, падал и поднимался, и каждая секунда времени разрасталась для него в огромный период, вслед за которым вот-вот должно наступить что-то небывало страшное и таинственное, непосильное разуму человека. Он уже не кричал, а выл, и единственное, чего он хотел, — это видеть капитана Рюмина, чтобы быть с ним рядом...» Эти строки буквально перенесли меня в то время, в то место. Я испытывала эмоции, которые сложно описать, их нужно почувствовать.

Для меня это не романтика и героизм боя, а как бы сложенная из страшных и нелепых кадров картина вселенской битвы. Ужасающие героя картины ошеломляют и читателя: и не падающий на землю сапог, из которого «сахарно-бело и невинно жутко...высовывалась тонкая кость», и облёванная умирающим немцем пола шинели Алексея. Ему захотелось заглянуть в лицо убитому им немцу, потому что ломалось представление о врагах как о людях. Убить человека лицом к лицу пришлось впервые, раньше его «сердце упрямылось до конца верить в тупую звериную жестокость этих самых фашистов». А теперь в его сердце просыпается ненависть к врагу.

«Спасительный свой лес» укрыл на время сто шестьдесят три курсанта. Но бомбы, сбрасываемые с самолётов, не щадят никого. Алексей впервые неодобрительно высказывается о Рюмине: «Что ж он... его мать, завёл, а теперь...» Горькое прозрение словно увеличивает степень опасности и безысходности положения: «... тело берегло в себе лишь страх, и он временами лежал под деревом... и ощущал дрожь земли, обонял запах чеснока и жжёной шерсти... видел... встающие и опадающие фонтаны взрывов... бегущих и лежащих курсантов, до капли похожих друг на друга, потому что все были с раскрытыми ртами и обескровленными лицами...» Представленные так зримо картины войны вызывают самые противоречивые чувства: и боли, и

сострадания, и потрясения, и протеста против бесчеловечности. Что ещё может быть страшнее, чем страх смерти, боль отчаяния и полная беспомощность человека? Алексей, спрятавшись под корнем вывернутой из земли сосны, «затрясся в сухом истерическом плаче».

«Лучше самому застрелиться, чем попасть в плен раненым», — решает он. Когда расстрел в лесу стих и наступила ночь, Алексей почувствовал не облегчение, а полное опустошение: «Не хотелось ничего: ни думать, ни разговаривать, ни жить... Он был пуст, ко всему глух и невосприимчив...»

Самоубийство капитана Рюмина, принявшего всю вину за гибель курсантов на себя, для Алексея своеобразный рубеж, когда он «почти физически ощутил, как растаяла в нём тень страха перед собственной смертью.» Писатель включает в повествование философские, выстраданные им самим раздумья о смысле человеческой жизни. На мой взгляд, Алексей осознаёт нерасторжимую связь бывшего, настоящего и грядущего, вспоминает детство, деда Матвея, Бешеную лощину, свою малую родину. Он словно в ответе за всё и за всех, жизнь и смерть теперь не кажутся бессмысленными.

Немецкий танк, ползущий на него, он встретил лицом к лицу и оказался сильнее смертоносной машины. Думаю, что многие разделят мою точку зрения, что он истинный герой, преодолевший страх, проявивший силу воли и мужество.

Но для писателя важнее не оценка поступка Алексея читателями, а душевное состояние героя: «...им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, — оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость тому, что остался жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчётная боязнь этой встречи...». Гибель роты, самоубийство Рюмина, смерть под гусеницами немецких танков уцелевших после налёта курсантов — всё это завершило переоценку ценностей в сознании главного героя. Это воздействует на меня как на читателя заставляя переосмысливать не только первый этап Великой Отечественной войны или её в целом, включая последствия, которые мы ощущаем до сих пор, это заставляет по-новому думать. Развивает чувство долга. Но самые тяжёлые и

памятные сцены из повести Воробьёва у меня вызывали не слёзы, а песню, которая впервые была исполнена в кинокартине «Тишина» по одноимённой повести недавно ушедшего от нас писателя-фронтовика Юрия Бондарева:

*Дымилась роца под горою,
И вместе с ней горел закат...
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.*

*Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.*

*Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Над нами «мессеры» кружили,
Их было видно, словно днем...
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.*

*И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.*

*Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.*

*Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте*

Теперь я буду вспоминать под эту песню, написанную поэтом Михаилом Матусовским и композитором Вениамином Баснером, кремлёвских курсантов, они будут сниться мне вместе с героями моей семьи, потому что всё, что связано с многомиллионными потерями, — это непрекращающаяся боль моего народа, а значит, и моя боль. **НО**